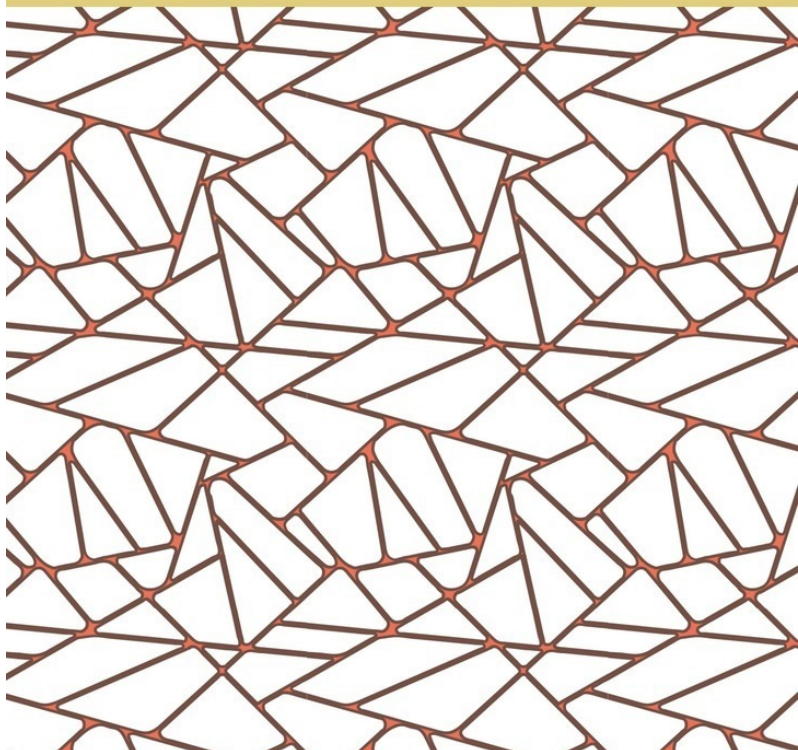

Анатолий Агарков
Рахит. Шесть-седьмой

В двадцать лет силы нет — её и не будет

Анатолий Агарков

Рахит. Шесть-седьмой

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=31509297

ISBN 9785449068910

Аннотация

Рождаешься-то не по своей воле. И родителей не выбираешь. И место жительства. Пока.... Пока не начинает балом жизни править голова. Чего нет, можно придумать. Толику фантазии, и ты – принц заморский, охотник в дебрях Африки, ученый в Антарктиде... Скажете, синица в руке лучше в небе журавля. А зря! Кто не мечтает, тот не пьет шампанское с Маргарет Тэтчер. Вон Пушкин на пиру бывал, мед с пивом там пивал, коту ученому внимал – все это описал.

Содержание

Рахит	5
Шесть-седьмой	8
1	9
2	20
3	31
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Рахит. Шесть-седьмой

Анатолий Агарков

© Анатолий Агарков, 2018

ISBN 978-5-4490-6891-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Рахит

*В двадцать лет силы нет – её и не будет.
/народная мудрость/*

Человек рождается маленьким, беспомощным, беззащитным, но с невероятной жадой жизни и удивительными способностями выживать в любой среде – будь то волчье логово или королевские чертоги. Только в каменных замках растут принцы, а в земляных норах – маугли.

Появился я на свет здоровяком. Из всей палаты – что весом, что ростом – матери на радость, другим роженицам на зависть. Но вот беда – не пошло мне впрок родное молоко. То ли патриотизм во мне начисто отсутствовал и впитываться не хотел, то ли ещё какая причина, только мотал я головой, избегая нацеленного в рот соска, и верещал, истошно, не согласный с голодной кончиной. То же, что ухитрялась впихнуть в меня мама, неблагодарно срыгивал.

На счастье моё случилось в палате мёртворождение. Горевала несчастная очень, и муж её дома – запил, забирать не хотел жену-неудачницу. Просила она, глядя на наше родственное противостояние:

– Нюр, ну, дай покормить.

В её руках я мигом успокаивался – набивал брюшко контрабандой и неблагодарный засыпал. Молочная моя ма-

ма плакала, а родная злилась. Возмездие ждало дома. Так и не привыкнув к родному молоку, выживал на сладенькой водичке и жёваном хлебе. Вопил дни и ночи напролёт, голос потерял, а потом слабость стал.

Однажды отчаявшись, отложила меня в сторону мама и сказала:

– Не жилец.

Застонал глухо отец, скрипнув зубами. Сестра смотрела на меня с деловым интересом, будто гробик примеряя. Но Всевышний рассудил по-своему.

Заглянула к нам врачиха участковая и всплеснула руками:

– Да у него ж рахит развивается! Что ж вы, мамаша, ребёнка губите? Ну-ка, бегом к нам.

Вернулись мы в палату, из которой месяц назад выписались, и пошёл я по рукам – ел от брюха, пищать перестал, поправляться начал.

– Большой любитель чужого добра растёт, – смеялись женщины.

А мама на своём:

– Троих вскормила. Что ж этот как подкидыш?

Врачи:

– Бывает. Несовместимость.

Мама моя человек упёртый, ей врачёвы домыслы по барабану. И что было бы со мной, не явись на выписку за нами отец, одному Всевышнему известно. Но он прибыл и строго из-под сдвинутых бровей глянул на жену, услышав диагноз.

– Коровка есть? – напутствовали врачи. – Вот и кормите малыша. Кашки варите, творожок. И везде, везде рыбий жир добавляйте. Слышите? Рыбий жир спасёт вашего потомка.

Я притих в кулёчке одеяла, чуя кульминацию недолгой жизни.

Отец взял меня на руки и с тех пор не выпускал до самой своей кончины – не в буквальном, конечно, смысле.

Вот с такими мироощущениями и вошёл я в сознательную жизнь:

– с болезненной, порой доходящей до абсурда любовью и опекой отца;

– с незаметной, практически не проявляющейся, однако подспудно всегда присутствующей неприязнью матери;

– с презрением старшей сестры – «рахитик!»

– с тошнотворным вкусом и запахом рыбьего жира.

Шесть-седьмой

История души человеческой, хотя бы самой мелкой души, едва ли не любопытнее и не полезнее истории целого народа, особенно когда она – следствие наблюдений ума зрелого над самим собою и когда она писана без тщеславного желания возбудить участие или удивление.

(М. Ю. Лермонтов)

1

С вечера стоял морозный туманец, и все деревья за ночь густо оделись в белый наряд. Заворожённое, волшебное царство! В первые, утренние, досолнечные ещё часы он держался крепко. Разве что стайка снегирей (красногрудых на белых сахарных ветках) стряхнёт немного инея, и крупные, но очень лёгкие, невесомые почти, кристаллы кружились в воздухе, текли вниз, переливаясь, играя бликами. Но позже, когда светило поднялось выше и стало немножечко, подекабрьски пригревать, он начал сам по себе осыпаться, и вскоре весь чистый, прозрачный, подзолоченный лучами и подголубленный небесами воздух наполнился мерцающей, как пух лебяжий, неподвластной законам земного тяготения, снежной пылью.

Не правда ли, грешно сидеть дома в такое утро. Радостями, которые преподносит жизнь, следует дорожить, решил я и, потеплее одевшись, вышел на улицу. Воздух звенел не только воробьиным гомоном – в соседском огороде вопили мальчишки, играя в войну. Юрок Куровский догнал Вовку Грицай, свалил в сугроб, оседлал.

– Ага, попался! Жизнь или смерть?

– Ой, жизнь! – тяжело дыша то ли от бега, то ли от смеха, взмолился Вовка. – Ой, больше не буду.

– Хватит вам дурачиться! – крикнул я им сквозь щель в за-

боре. – Посмотрите, какие снегири прилетели.

Куровский перестал тужить Вовку. Тот поднялся из сугроба, выглянул из-за Юркиного плеча, увидел меня и быстро пошёл – мягко сказано – побежал ко мне. И такой радостью засветился – просто родного брата встретил, с которым десяток лет не виделся. Перед забором погасил свою улыбку – должно быть, застеснялся.

– Давно бегаете? – спросил я. – Небось, уши отморозили. Глади – отвалятся.

– Эти отвалятся, новые вырастут, – беззаботно махнул рукой Юрка, подходя.

– Жди-и, – на полном серьёзе усомнился Вовка. – Вырастают...

– А у нас сегодня ёлка будет, – похвастал он.

– Какая ёлка? – я потёр застывающий нос варежкой. – Игрушечная?

– Ну, вот ещё! – Грицай попытался быть серьёзным, что, однако, ему плохо удавалось – Ёлка самая настоящая, из леса, а на ней игрушки.

– А-а, настоящая? – я шмыгнул носом. Мне хотелось посмотреть на ёлку.

Вовка это сразу понял.

– Пойдем, глянешь. Замерз совсем.

– Я не замерз – я только вышел.

Хозяйка дома подозрительно оглядела нас от большой печи.

– Что, уже набегались? Быстро...

Вовка оправдывался, пытаясь расстегнуть закоченевшими пальцами пуговицы пальтишка:

– На улице – Мороз Красный Нос. Вон и мальчишки подтвердят.

Мать слушала и смотрела на его торчащий вихор, оттопыренные уши сначала как будто бы с угрозой, но постепенно сердце её оттаяло, и по лицу заструилась улыбка.

– Мам, есть что поесть? – Вовка опростал ноги от валенок, подошёл к матери и приложился холодным ухом к её полной руке выше локтя.

– Промялся? – Стюра Грицай провела рукой по вихру, но он тут же встопорщился.

За её спиной весело потрескивало в очаге – по комнатам разливалось тепло.

– Давай-ка сюда свои лопушки, – сказала тётя Стюра, прижимая к себе голову сына и оттирая его озябшие красные уши.

Вовка посматривал на нас смородиновыми глазами из-под материнской руки и счастливо сопел.

– Натё-ка гостинца, – хозяйка разломилла кусок пирога на три части и подала нам.

И мы уплели его с таким наслаждением, будто это был не обыкновенный капустник, а невесть какое лакомство.

– А ты, Толька, всё хилой какой-то. Или мать тебя плохо кормит, или гуляешь мало? Много, говоришь? Так что ж та-

кой худющий – кожа да кости? Или молока у вас сейчас нет? Вот погоди, весна придёт, корова растелится – будет и молочко...

– Скорей бы уж, – посетовал Юрка. – Зима как надоела...

Поев, мы забрались на печку. В тепле нас разморило, а вот пальцы ломило.

Подошёл хозяин дома, погладил мои волосы большой мозолистой ладонью кузнеца:

– Согрелись? Тогда слезайте, ёлку будем ставить.

Глаза у него хитроватые, с постоянной лукавой усмешкой в глубине.

Самый маленький Грицай – Серёжка скакал, скакал на одной ноге, упал, нос расквасил. Его старшая сестра Людмила присела перед ним на корточки, намазала нос зелёнкой.

– Не ори, так надо. А то будет заражение крови, и тебе весь нос отрежут.

Увидев нас, она встала и начала собирать в пучок рассыпавшиеся волосы. Они были тёмными, и потому, наверное, кожа на лбу и на висках казалась особенно нежной, матово-белой. Кофточка-безрукавка с широким вырезом на груди оставляла открытыми руки и шею.

Хозяин принёс с веранды пушистую ёлочку с крестовиной у комля, поставил возле окна, в комнате сразу стало темнее. Он широко раздул ноздри, ловя острый аромат хвои, потом поперхнулся, сердито махнул рукой и трудно закашлялся. Лицо его стало тёмным, под стать ёлочным иголкам, в груди

что-то хрипело и клокотало.

Прокашлявшись, сказал:

– Кому что, мать честная! Наполеону для настроения Россия была нужна, Гитлеру – весь свет, а кому и так вот, у ёлочки посидеть – красота, милое дело. Как думаете, пацаны, будет из вас толк в жизни? Даст Бог – посчастливит. Жизнь, она ведь что коловерть: кого на дно затащит, в самую тину, а кого на быстрину вынесет – плыви по раздолью.

– Ясный ты на слова, и лампу зажигать не надо, – сказала ему жена от дверного косяка, тоже любуясь ёлкой.

– Видишь, какая экономия выходит, забогатеть можно. Что ни говори, а здорово сотворён мир, с отделкой исключительной. Только вот человек в недоделке остался – словно кто помешал в процессе создания...

Жена отмахнулась, сказала, уходя на кухню:

– Ёлка в дом – праздник в нём.

Нина Грицай развешивала на качающихся ветвях стеклянные бусы, а её старшая сестра держала в руках коробку с ёлочными игрушками и декламировала:

– Под голубыми небесами

Великолепными коврами,

Блестя на солнце, снег лежит,

Прозрачный лес один чернеет,

И ель сквозь иней зеленеет,

И речка подо льдом блестит...

Ёлка совсем отошла от мороза. Над хвоей закружилась

дымкой пар. На иголках засверкали капли росы. Тянуло от коры смоляной свежестью.

А мне вдруг погрезились сказочные берега далёких стран, крики птиц и шум прибоя, грохот барабана, зовущего на бой, короткая, но кровавая схватка, смуглые плечи и курчавые головы пленников, что склонились на жертвенный алтарь...

– Тотошка!

Я вздрогнул и оглянулся – на пороге в шубейке с платком в руке стояла моя старшая сестра Люся.

– Идём обедать.

– Отстань, я ёлочку наряжаю.

Высоченный кузнец Михаил Грицай на самый кончик ёлки водрузил рубиновую звезду.

– Без этой вершинки – раскосматится.

И засипел широкой грудью.

– Я жду, – напомнила о себе моя старшая сестра. – За вихры тебя тащить? Могу.

– Ты сама-то зайди, – пригласил её хозяин. – Да на ёлку полюбуйся. У вас такая?

– Не-а. Мы вообще не ставили.

– Вы вечером вместе с Толиком приходите, – пригласила Люда Грицай.

– Ладно. Пошли, – теребила меня сестра.

Михаил Давыдович покачал головой, усмехнувшись:

– Думаю, всё думаю, старость пришла, уж и в землю пора, да что-то не хочется. Вот я и говорю иной раз, куда люди спе-

шат – торопятся, будто бегом бега дольше прожить можно.

С сестрой спорить бесполезно – я оделся и побежал домой.

Дома было чисто, тепло и уютно, словом, как перед праздником.

Я поел и забрался на широкую родительскую кровать. Вскоре подкрался сон.

...У меня были крылья – огромные, сильные. Я парил высоко над землёй. Подо мной растелилась незнакомая равнина, виднелись вдали горы. Зорко оглядывая безмерные пространства, я увидел берег чудесной реки. Захотелось искупаться. Приземлившись, почувствовал неясную угрозу. Дёрнул с бедра меч и, очертя голову, бросился навстречу неведомой опасности. Подо мной уже резвый скакун, белый плащ вьётся за моими плечами. А со всех сторон, из-за каждого куста, пригорка или валуна в меня направлены стрелы бьющих без промаха луков. Неведомые стрелки. Кто они? Сколько их?...

Проснулся от яркого света в комнате – Люся читала книгу, притулившись к столу.

Было невыразимо приятно нежиться под тёплым одеялом.

Сестра не заметила моего пробуждения и продолжала неторопливо шелестеть страницами. Должно быть, интересная книга. Но куда ей до моего сна!

– Диковинный сон мне приснился.

– Силён ты дрыхнуть. Что ночью будешь делать?

– В гости пойду.

– Ага, иди. Давно уже пора, да как бы не поздно было – на дворе-то уж темно.

Я бросился к окну, и сердце моё защемила обида.

– Проводи, – наспех, кое-как одевшись, захныкал я.

– Отвянь, – дёрнула плечом сестра.

– Я боюсь – там темно.

– Боишься – не ходи.

– Ага, с тобой сидеть останусь.

– Ну, иди... Я посмотрю, как ты вернёшься, если ещё дойдёшь.

И я пошёл, хотя очень боялся ходить по тёмной улице. Ледяной червячок страха осязаемо шевелился где-то на дне моего сознания. Но улица не была такой страшной, какой казалась из окна. В разрывах облаков мерцали звёзды. Луна где-то блудила, и её матовый свет мягко стелился по окрестности. Снег весело и звонко хрустел под валенками. Мороза не чувствовалось, хотя, конечно, он был – не лето же.

Чёрный пёс вынырнул откуда-то на дорогу, покосился на меня, сел и завыл, уткнувшись мордой в небо.

С отчаянным воплем я бросился вперёд – собака с визгом от меня. Мелькнул забор, и я с разбегу ткнулся в калитку грицаевских ворот. Никто меня не преследовал, никто не гнался за мной. Калитка подалась вовнутрь двора, когда я потянул за верёвочку щеколды. Все окна были черны, лишь гирляндю светилась ёлка. Поднялся на крыльцо, про-

шёл веранду, толкнул дверь. Ни души, ни звука.

– Есть, кто дома? – прозвучало мольбой.

– Кто там? – Люда откуда-то из глубины комнат.

– Это я, – сказал я.

– А, Толя, – с улыбкой на губах показалась Люда. – С Наступающим!

– Говорили, ёлка будет.

– Проснулся! Так была уже. Ребятишки были – попели, поплясали, получили подарки и разошлись. Ты где был?

Слёзы сами собой побежали по моим щекам.

Люда покачала головой и вытерла мне нос полотенцем.

– Подожди, я тебя сейчас угощу. Там должно что-то остаться.

– Садись, – позвала она меня за стол, – да разденься ты.

Через минуту я уже уплетал какие-то сладости, запивая их компотом, а Люда сидела на диване, погрузив локоть в подушку, подперев щёку рукой, и ладонью поглаживала голое колено.

– Очень жаль, что тебя не было – детвора так уморительно веселилась.

Ей захотелось меня утешить, но как это сделать она не знала. Ей было шестнадцать лет, и она испытывала ко мне материнские чувства. Наверняка.

– А где все?

– К Батеневым пошли.

Не компот, а настоящий нектар! Я потягивал его с насла-

ждением. И торт, и печенье с выпечкой – я ещё не всё испробовал. А конфет, какая куча! Мне хотелось остаться, но обида и неловкость не проходили. Заявил, что ухожу.

Людмиле было скучно одной сидеть дома.

– Подожди. Идём, чего-то покажу.

Жуя на ходу, протопал следом за ней в тёмноту спальни. Люда быстро освободилась от платья, а шёлковую сорочку обеими руками лихо вздёрнула на самую голову. Это было непостижимо, таинственно и захватывающе интересно. Сейчас мы будем целоваться и ляжем в кровать, подумал я.

– Видел?

– Ага.

– Что видел?

– Ну, тебя.

– Да нет, смотри.

Манипуляции с сорочкой повторились.

– Видел? Искры видел? И всё тело наэлектризовано – светится.

Я поперхнулся непрожеванным куском. Люда надела платье, включила свет и подозрительно уставилась на меня.

– А ты что подумал? А ну, марш домой! Бесстыдник....

Кто бесстыдник? Я? Ну, люди! Вот, народ! Это в душе, а внешне я был вызывающе спокоен и безмятежно доволен собой. Сколь бы старше и умней не была она меня, всё же оставалась женщиной – куда ей до мужика, пусть даже такого маленького, как я.

Ночью приснился сон. Целый хоровод девиц кружился возле моей кровати. Их не видно в темноте – только шарканье ног и скрип половиц. Потом ночные сорочки птицами взмыли вверх, и обнажённые тела угрожающе засветились из темноты.

Я нырнул под одеяло....

2

Сегодня самый замечательный день в моей жизни – мы едем покупать телевизор. Вот только проснётся отец, отдыхающий после ночной смены, и сразу поедим. Я взволнован, мне радостно и чуточку не по себе.

Как долго тянется утро. Тревога наполняет сердце – а вдруг отец передумает. Я так ждал этого дня. Сумбурные чувства теснятся в груди – напряжённое любопытство, счастье, страх, надежда, сомнение, нетерпение.

Будто издалека доносится голос сестры:

– А что ты сделаешь, если тебя захотят отлупить?

Я опасливо отодвинулся.

– Не собираюсь тебя бить, просто хочу узнать, что ты делаешь в таких случаях?

Я сунул указательный палец в рот и стал грызть ноготь. Люся вытащила палец из моего рта и посмотрела на руку с обкусанными ногтями.

– Рука как рука. Всё нормально. Скажи, а тебе никогда не хотелось дать сдачи?

Широко раскрыв глаза, я покачал головой.

– Так и будешь всю жизнь козлом отпущения?

Я опустил голову. Палец снова оказался во рту.

– Послушай, Тотошка, – хрипло прошептала она, наклонившись к самому моему уху, – я научу тебя давать сдачи.

И когда какой-нибудь здоровенный парень начнёт приставать к тебе, ты покажешь ему, где раки зимуют.

Я вытащил палец изо рта и недоверчиво уставился на неё.

– Ты слышал, как я отлупила Катьку Лаврову? А она ведь старше и больше меня.

Я почтительно кивнул.

– Так вот, я научу тебя, как это делается. Тресь! Тресь! Тресь!

Её кулаки отмутузили воздух.

– Тресь! – тихо повторил я, неуверенно сжал кулак и нанёс слабый удар в пустоту.

– Прежде всего, если кто-нибудь заорёт на тебя, никогда не трусь, не веди себя так, будто думаешь, что тебя убьют на месте.

– Тресь! – я неуверенно ткнул маленьким кулачком перед собой.

– Нет, начинать надо с другого. Может, тебя вовсе и не собираются бить. Первым делом – глубокий вздох, – она глубоко вздохнула воздух и подождала, пока я сделаю тоже самое, – рёбра проступили под моей рубашкой, – а потом орёшь во всё горло: «Вали отсюда к чёртовой матери!»

На её крик в дверях комнаты появилась мама.

– Что вы тут делаете?

Она с тревогой посмотрела на меня. А я поднялся на цыпочки, сжал кулаки, зажмурил глаза, сделал глубокий вздох и заорал:

– Вали отсюда к чёртовой матери!

Потом повернулся к сестре и улыбнулся:

– Ну, как, нормально?

– Люся, ... – сказала мама.

– Должен же он, наконец, научиться защищать себя.

Мама остановилась в дверях, словно не зная, что ей делать дальше. Тогда я насмелился, подошёл к ней, выставил перед носом свой маленький кулачок, глубоко вздохнул и пропищал:

– Вали отсюда к чёртовой матери!

Мама покачала головой:

– Дожила...

– Я просто тренируюсь. Это я не тебе сказал.

Мать вытерла нос передником, махнула рукой:

– Чему хорошему, а этому быстро учатся. Лучше б читали...

– Читать его в школе научат, а вот защищать себя вряд ли.

– Ну, учи-учи, – мать шмыгнула носом и вытерла глаза передником.

– Не собираюсь делать из него задиру, – сказала Люся. – Просто хочу, чтобы он мог постоять за себя. Не может же он прятаться за твою юбку каждый раз, когда кто-нибудь на него не так посмотрит.

Отец проснулся от наших воплей, заскрипел пружинами кровати, поворачиваясь на бок, сказал:

– Вот сподобилось Всевышнему девицу наградить муж-

ским характером, а парнишку наоборот. Послушай меня, сынок. Твоя сестра права, но только отчасти – на каждого драчуна всегда найдётся ещё более сильный соперник. Я научу тебя не бояться никого и ничего. Надо только понять, что такое страх. А это то, что движет нами. Всё на свете держится на нём. Дисциплина и подчинение зиждутся исключительно на страхе. Основы закладываются с детства. Страх перед материнской руганью, перед отцовской поркой, перед упрёками друзей. Страх перед учителем, перед наказанием, боязнь плохой отметки, провала на экзамене. Потом, когда ты взрослый – страх перед начальством, от которого зависит твоя премия и карьера. Страх перед кознями коллег или врагов. Страх перед войной и смертью. Верующий боится ада, неверующий – ошибок. Страх перед болезнью, болью, старостью, одиночеством, непониманием, милицией, психушкой. Страх проходит через всю нашу жизнь. Вообще, она им только и держится. Страх перед тюрьмой заставляет уважать законы. Так было всегда, во все времена. А теперь запомни – когда, как говорит твоя сестра, кто-нибудь не так на тебя посмотрит, ты подумай о том, как много боится он. И тебе станет легче смотреть ему в глаза. И ты ударь его – нет ни кулаком, словом ударь в самое уязвимое место. И если ты правильно определишь его уязвимое место, и правильное найдёшь слово, увидишь, как побледнеет твой враг, испугавшись, и побежит прочь, сломя голову.

Я задрал вверх подбородок и вызывающе посмотрел

на сестру: словом бить куда как интересней – что скажешь?

Люся отмахнулась:

– А ну тебя – не в коня корм.

Знаменательный день для меня! И самый обычный для миллионов других людей. Один день из многих. Зимний, серый, скучный – приближающий их к старости. Отцу, конечно, до старости далеко – он отдохнул и теперь энергичен, весел, деятелен. Мы выходим из нашего дома на тихой окраинной улице. На остановке приходится подождать. Появляется автобус, мы садимся. Через несколько остановок въезжаем в Южноуральск. За обледенелым окном – люди куда-то спешат, бестолково суетятся, словно муравьи. Городская суматоха, наполненная своими делами и заботами. В автобусе сплошь угрюмые неприветливые физиономии. Разговоров не слышно. Ни улыбок, ни оживления. А мы-то едем покупать телевизор!

Белесое солнышко, будто ему лень светить, с трудом пробивается сквозь серую мглу. Отец смотрит в окно и молчит о чём-то своём. Можно немного помечтать. Я представил старинный город, о котором читала вслух сестра. На улочках возле рубленых из крепчайшей лиственницы домов и лавок толпятся казаки, служивые люди, охотники. Подгулявшая компания дразнит у кабака привязанного цепью медведя. К воеводскому дому тащат мужичонку в латанном кафтане. На гостином дворе покупатели прицениваются к сырмятным козам, соли, охотничьим припасам, ножам, алым сук-

нам, свинцу, котлам из красной меди, бисеру. Много всякого добра в пограничном городке. Народ тут лихой, предприимчивый, выдавший виды. И то сказать – что делать в городке на границе Великой Степи ленивым изнеженным боярским сынкам? Ведь, пока доберёшься сюда – натерпишься и горя, и напастей. Это люди своего жестокого века. Они открывают новые земли, торгуют, воюют. Врагов у них не меньше, чем друзей. И свистят в лихой час оперённые стрелы – и падают казаки на дикую землю.... В воздухе носится аромат новогодних апельсинов....

Ага, прокол! Откуда в старинном таёжном городе южные диковинные фрукты? Может, царь воеводе своему в подарок выслал? У царя-то, небось, были. Я вздохнул – вот так соврёшь, и не поверят. Ну что ж, перенесёмся мысленно в страну апельсинов. Вижу ясно – берегом реки жарит по песку кучка людей. Бегут и оглядываются. Вслед из густого тростника несётся львиный рык. А впереди-то крокодилы!

Вот бы их сюда. Что б тогда творилось в славном городе Южноуральске, а? Да и в автобусе стало б попросторней, если б из-под сиденья – хватать за ногу! – аллигатор. Может порычать тайком: шибко скучные физии у горожан – пусть немного порезвятся. И почему у нас нет таких свирепых хищников? Чем наши берёзы, хуже пальм?

Пацаны мне не поверят, что в автобусе на нас напал крокодил и многих проглотил. Откуда, скажут, быть здесь крокодилам в разгар зимы? А вот если бы по улице промчалось

стадо слонов, тогда не только люди – машины шарахнулись в стороны, забились по дворам и углам. Это тебе не пешеходов давить – со слонами шутки плохи.

– Пап, а ты мог бы стать капитаном? – спросил я, теребя его за рукав.

– Ке-ем? – в изумлении переспросил отец.

– Да капитаном на корабле.

– А почему бы нет? Не представился случай, а то б попробовал.

– А я буду.

– Ну и молодец. Хорошая работа – много платят. Ну, и уважение конечно.

– Не, я не для денег – путешествовать люблю. Или вот, скажем, на лошади – тоже интересно, всё лучше, чем пешком.

– Про верблюда не забудь, – усмехнулся отец. – Корабль пустыни.

– Школу закончу, – заявил я, – пойду на путешественника учиться. Или сразу, без школы...

– Нет, без школы не возьмут, – на полном серьёзе сообщил отец. – Без школы сейчас только в дворники.

Как мучительно осознавать недостаточность своих знаний! К сожалению, сестра не хочет учить меня читать, говорит – в школу пойдёшь и научишься. До школы далеко. Без книг, где набраться знаний? Ах, да! Ведь мы же едим покупать телевизор! Держитесь, моря и острова – все тайны мира

буду знать! Да здравствует телевизор! Но сколько ж можно ехать, пора бы уж.

Нет, капитаном всё же лучше быть. Я б научился курить трубку. А как чудесно плыть по воде мимо неизвестных берегов! Встречи со штормами, стоянки у берегов чужих стран, знакомство с чудесами тропических морей. Сколько себя помню, всегда мне грезились синие дали и белые паруса, тропические пальмы и свирепый рёв шторма. Мне казалось, я знаю, как пахнет смола и пеньковые канаты....

За окном автобуса мелькают кирпичные неопрятные здания. Множество людей мельтешат между ними. Многие из них – воры. Отец говорит, что воришками, как и товарами, город щедро снабжает наш посёлок и район.

Как прекрасна жизнь, между прочим, и потому, что человек может путешествовать! Весь свой век прожить среди этих серых стен, этих людей... Бр-р-р!..

Наконец покинули автобус и вошли в невзрачный дом, в такую же квартиру. Отец с хозяином телевизора долго крутили его ручки. Отец задавал бесчисленные вопросы, а мужик нудно отвечал. Наконец на тысячи вопросов отвечено, все подробности настройки телевизора усвоены, и начались торги, такие же долгие и нудные, и мне всё больше казалось – бесплодные.

Пока отец вёл переговоры, я не спускал с экрана глаз. Там какие-то мужики разгуливали по городу с петухами под мышками. Вот клоуны! А потом петухов стравили для дра-

ки – самим, небось, лень.

Переговоры отца с хозяином закончились тем, что последний попросил, как можно скорее покинуть его квартиру. Что делать? Решил вмешаться.

– Жаль, что у вас нет петуха. У нас есть....

Спорщики, как по команде, уставились на меня. Потом хозяин взглянул на экран и всё понял. Расхохотался:

– Чёрт с тобой! Твоя взяла – согласен, но только ради вот этого смышлённыша...

Итак, у нас в доме появился Телевизор. Не сказка и не выдумка. Единственный на всю улицу. Сильно и радостно билось моё сердце. Надо было видеть, каким я ходил гордым и как свысока посматривал не только на сверстников, но и на ребят постарше. Сколько радостных, восторженных минут пережил у его голубого экрана. Сколько новых прекрасных мыслей открыл мне мой светящийся друг. О, как он умел рассказывать даже о самом скучном! Знали бы вы, какие увлекательные сюжеты рождались в моей голове! Например, из документального фильма об истуканах острова Пасхи! А в благодарных слушателях недостатка не было.

Великие перемены с появлением телевизора произошли в жизненном укладе нашего семейства. Все соседи, от мала до велика, стали относиться к нам с величайшей почтительностью. Вечерами у нас собиралась внушительная толпа зрителей. Рассевшись, кто, на чём смог, многие просто на полу,

живо комментировали увиденное.

– Спасайте! Утоп!

– Ах, ты, грех какой!

– Гляди-ка, выплыл!

– Где? Верно. Вот это, называется, повезло! Посмотрите – целёхонек!

А сосед дядя Саша Вильтрис как заорёт:

– Он жив! Ура! Ура!

И полез обниматься. Ну, как на стадионе. Увлёкся мужик. На правах хромого он сажился, развалившись, в одно из двух наших стареньких кресел.

Иногда это смешило, чаще – надоедало. Тогда отец вставал и решительно выключал телевизор.

– Комедия окончена, артистам надо отдохнуть.

Гости нехотя расходились. Кто-нибудь предлагал поиграть в картишки, с надеждой, что экран засветится ещё раз.

Надо ли говорить, что все зрители, и дети в том числе, были просто влюблены в прелестных дикторш – просто души не чаяли.

Вот как-то одна заявляет:

– Этот фильм детям до шестнадцати лет смотреть не рекомендуется.

Отец покосился на Люсю и её подружку Нину Мамаеву.

– Для вас сказано.

– А чего его не гонишь? – фыркнула сестра, ткнув в меня, примостившегося у отца на коленях, пальцем.

– Он ничего в этих делах не понимает, – усмехнулся отец.

– А там ничего такого и нет, – вмешалась Нина. – Я этот фильм в кинотеатре видела.

– Какого такого? – обернулся отец.

– Ну, такого... Вы знаете.

– Я-то знаю. Вы откуда знаете? Ох, девки, девки, как быстро вы взрослеете – беда, да и только.

Я украдкой показал сестре язык и кивнул – вали, мол, отсюда. А потом пожалел – ах, как бы ни поплатиться.

3

Новогодние каникулы закончились. Скучно стало на улице. Да и дома, когда отец отдыхал после смены, а мама не разрешала включать телевизор. Дошкольником быть очень плохо. Все друзья на учёбе. У них время летит быстро, весело, незаметно. Им есть чем заняться – мне нет. А хочется большой, бурной жизни. Хочется писать стихи, чтобы вся страна знала их наизусть. Или сочинить толстенный роман.

Я живу в тоске, потому что не умею ни писать, ни читать. Неграмотный я по причине своего малолетства, но чувствую в себе силы и способности на тяжкий умственный труд. Вот слепые же пишут романы, и музыку, и стихи. За них кто-то записывает. Вот бы мне такого писарчука – уж я бы надиктовал!

Хуже всего, что никто не понимает моих мук. Все смотрят на меня, как на малыша, которому достаточно дать конфетку, чтобы он отстал и не путался под ногами. А можно просто взъерошить волосы – иди, гуляй. Остаётся одно – мечтать. И это спасение от вселенской скуки и людских обид.

Смотрю на высокий сугроб, представляю его Кавказским хребтом, а себя – путешественником, заросшим чёрной бородой, голодным, продрогшим от холода. Я даже гибну, но открываю ещё одну тайну природы. Вот это жизнь! Вот бы мне попасть в экспедицию! Нет, не возьмут: скажут – окончи

школу. А потом – институт. А потом....

А потом я и сам не захочу в горы, сяду за стол и буду писать романы в тихом, уютном кабинете. Мир потеряет великого путешественника и открывателя. Точно. Стану Героем, Гением, Человеком, которым гордится страна, если... Если не помру со скуки в начале самой своей жизни. Господи, как тяжело жить! Скорей бы весна. Когда много света и солнца. И сады начинают пахнуть так, что бодрость преследует тебя даже во сне.

Но ничто не вечно в этом мире – даже скука, глубокая, как горе. В соседском огороде появились Вовка Грицай с маленьким Серёжей. Жеребёнком, ошалевшим от радости, я поскакал им навстречу – благо, забора между нашими огородами не было.

– Н-но! – подгонял сам себя.

Серёжка, укутанный в шаль, сиял глазами, в улыбку губы распустил. Глядя на солнце, на сверкающий в его лучах снег, смеялся:

– Солнушко, гы-го-го...

– Цы-па, цы-па... – манил резвящихся воробьёв.

– Здорово, Вов-Чик! – бодро, звучно, нажимая на «ч», говорю я. – Как школа? Происшествий не было?

– Какие там могут быть происшествия? – пожимает плечами сосед.

– Ну, не скажи – столько пацанов вместе... Неужель чего нельзя придумать?

– А учителя?

– А голова на что? Ну, хоть бы после школы отлупить девчонок.

– Чё ты несёшь?

Я посмотрел на Вовку со смутным беспокойством – начал задаваться? Школьник.

– Ты, наверное, с девчонками дружишь? – съязвил я и покрутил пальцем у виска. – Похоже, школа ничему хорошему не учит.

– Я тебе сейчас покажу, чему нас учат в школе, – сказал Вовка и выломал обезглавленный подсолнух.

– Ура! Сейчас будет рыцарский турнир, – я тоже вооружился и поскакал вокруг соперника.

– Коли! Луби! – возбудился маленький Серёжка.

Ему удалось выломать прошлогоднюю будыль из снежного покрова, и он напал на брата с другой стороны.

– Ну, начинается потеха, – пригрозил Вовка и повёл на меня атаку.

Я отступал, отбиваясь, и хрипел страшным голосом, изображая чудо-юдо лесное:

– Добро пожаловать, богатырь, в гиблые места!

– Ты давай, работай, – Вовка лупил своей палкой по моей. – Сейчас я тебя уложу на раз-два-три... Раз...! Два...! Три...!

– Ула! – Серёжка ткнул своим «копьем» брату в глаз.

Вовка вскрикнул и доказал, что в школе он чему-то всё-

таки научился – разразился отборнейшей бранью.

– Я тебя щас на куски порву, – пообещал он брату, а сам пнул его так, что Серёжка кубарем полетел в сугроб.

Вовка убежал домой, закрывая ладонями лицо. Младший Грицай орал, лежа в снегу, и плач сотрясал его тело. Я мог считать себя победителем турнира.

– Эй, вы, что тут вытворяете? – через забор перешагнул Валерка Журавлёв, по прозвищу Халва, и подошёл к нам.

Не думайте, что он долговязый великан – просто в недавнюю метель намело такой сугроб, из-под которого забор наш едва виден. Вдвоём мы подняли Серёжку, отряхнули от снега, уговорили не реветь и не жаловаться, повели домой.

– Залазьте, – Вовка позвал нас с тёплой печки, сияя «фонарём» под глазом, и кивнул на брата. – А этого бандита сюда не подсаживайте. Полезайте, я тут засаду устроил – в войну поиграем. Мамка разрешила.

– А парашут есть? – осведомился Валерка. – Высоко падать, если что.

На маленькой печке, заваленной всяким хламом, шибко-то не развернёшься. Какого чёрта здесь держат тулупы вместе с валенками? Впрочем, без них на голых кирпичках поджариться можно очень запросто. А из валенок, при желании и небольшой фантазии, неплохие пулемёты получаются. Вот мы и застрочили в три голоса.

– Здесь и спать можно, – похвалил я печку и пожалел, что у нас дома такой нет.

– Была нужда, – отмахнулся Вовка. – У меня кровать есть.

– Я, когда женюсь, с женой буду спать, – заявил Халва.

– А я женюсь на дикторше из телика, – поддержал тему

Вовка.

Я обиделся – телевизор мой, значит, и дикторша моя. Какое он имеет право на ней жениться? Да никакого. Заявил об этом, и обиделся Вовка.

– Я вообще жениться не собираюсь, – сказал я. – А девчонок буду лупить, где не встречу.

– Ты ещё маленький, – сказал Халва, – и ничего не понимаешь.

– Сам ты маленький, – оборвал я его.

Играть совсем расхотелось, да и жён себе выдумывать.

Повисла гнетущая тишина.

– А пойдёмте, ходы в снегу рыть, – предложил Валерка.

Вспомнил ворчание отца, когда в последний раз просил у него для этих целей лопату.

– Делать вам нечего. Лучше б снег от фундамента отбросал – весной работы меньше будет.

– Не, – предложил я. – Пойдёмте окопы рыть. Должны, точно знаю, должны враги напасть на наш дом. А мы окопы выроем и всех перестреляем. Пока врагов ждём – телик посмотрим.

Телевизор – аргумент. Ребята сразу согласились, что окопы возле дома рыть интересней, чем ходы в сугробе.

Это с тёплой печки работа казалась лёгкой и интересной.

Недавняя метель так скрепила снег, что я быстро выдохся и заскучал. Чтобы как-то поддержать боевой настрой, предложил хором спеть. И первым затянул:

– Шёл отряд по берегу, шёл издалека...

Песню о героическом Щорсе мои друзья не знали, но дружно подхватывали припев:

– Ээ-эй! Ээ-эй! Красный командир...

Мама в окно постучала, перед ртом шепотью машет – обещать зовёт.

– Продолжайте, я сейчас.

За столом усидеть не было сил – на подоконник пристроился с тарелкой, ем и посматриваю, как ребята в снег вгрызаются.

Отец увидел, подивился и похвалил:

– В жизни всегда так бывает – кто-то вкалывает, а кто-то руками водит. Учись, сын, головой работать – лопата от тебя не уйдёт.

Отец ушёл скотину убирать, а мне на мороз не хочется. Сестра уроки учит – прочитает в учебнике, захлопнет, сунув палец закладкой, глаза закроет и повторяет вслух:

– Чьи это поля, чьи это мельницы? Это панов Вишневецких. Это...

Забудет, собьётся и вновь в книгу подсматривает.

– Чья это дура с книжкой у печки? Это панов...

Хлоп! Люська стукнула меня учебником по голове. Я бросился на сестру с кулаками, но она так лягнула меня в жи-

вот, что я кубарем (как давеча Серёжка) улетел под кровать. Оттуда возвестил на весь дом, что не очень-то доволен подобным обращением с будущим Героем Всей Страны. Крупная слеза упала на пыльную половицу и застыла стеклянным шариком. Мама вошла с кухни.

– Смотри, как она меня лупит, – сквозь рёв жалуясь я. – У меня даже один глаз выпал.

Мама вопросительно посмотрела на сестру. Люся, зевнув в учебник:

– Уроки учить мешает.

– Следая. Не лезь, – мама подвела итог инциденту и удалилась на кухню.

Жду отца – уж он-то заступится, наведёт в семье порядок. Но вместо отца заходят ребята.

– Вон он, ваш командир – под кроватью хнычет, – сказала мама.

После такого представления вылезать совсем расхотелось. Ребята постояли немного у порога и ушли. Отец пришёл.

– Плюнь и растери.

Разделся, лёг отдыхать перед сменой.

– Толик, айда бороться.

Я тоже разделся и кинулся на отцовы ноги. Они сильные и очень хитрые – всё время норовят скрутить меня в бараний рог. Долго выпутывался, устал.

Отец:

– Тащи книгу – читаем.

С Люськой мы сказки читаем, а с отцом толстенную книгу «Следопыт». Про индейцев, про войну. Вообще, жутко интересную. Отец начинает бойко, потом запинается, делает паузы и умолкает. Книга падает ему на грудь. Он вздрагивает и начинает снова, с уже прочитанного. Так повторяется несколько раз. Наконец, он решительно откладывает книгу и говорит:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.